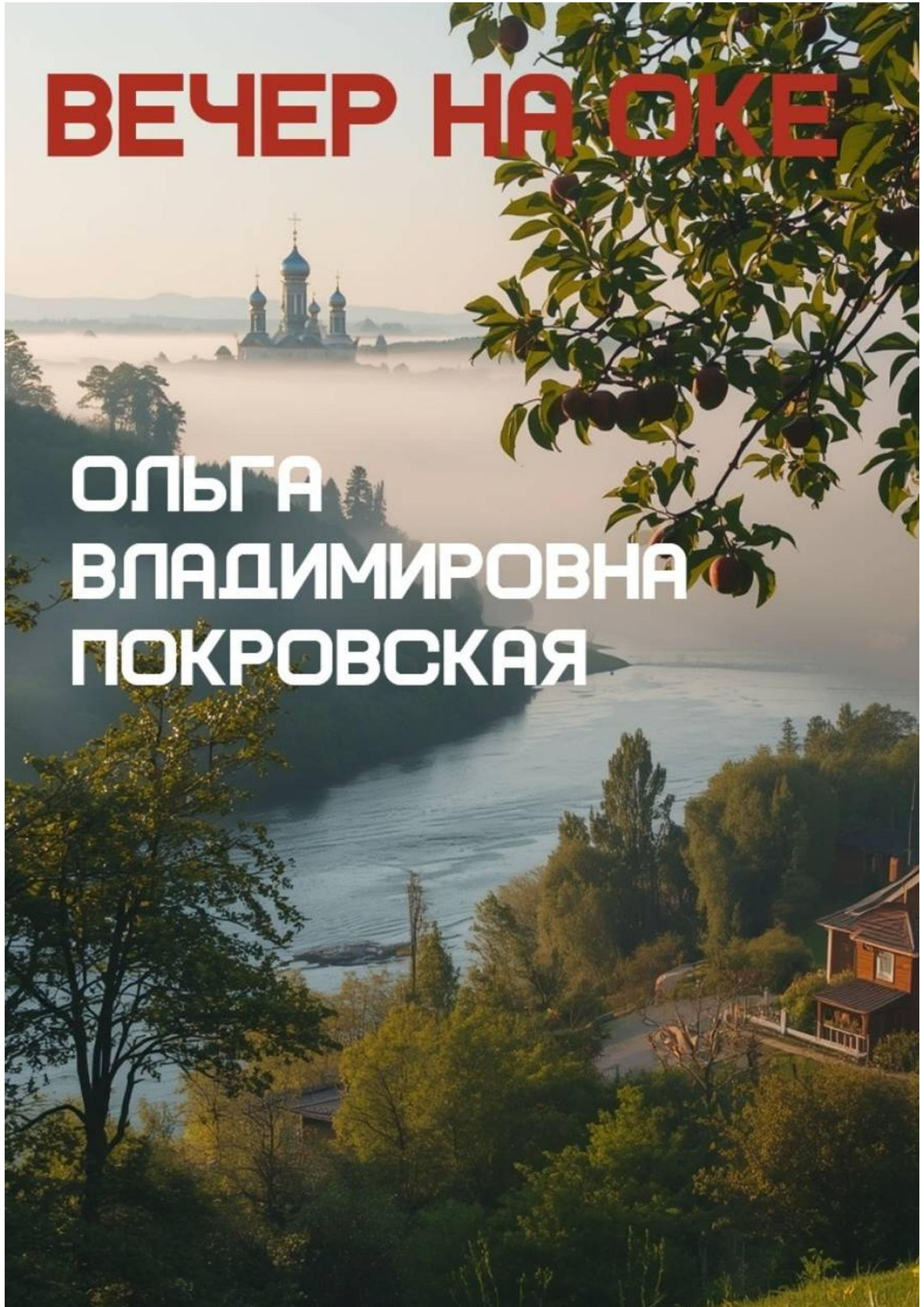

ВЕЧЕР НА ОКЕ

ОЛЬГА
ВЛАДИМИРОВНА
ПОКРОВСКАЯ

Ольга Владимировна Покровская

Вечер на Оке

«Автор»

2026

Покровская О.

Вечер на Оке / О. Покровская — «Автор», 2026

Бывшие одноклассники вспоминают августовские дни 1991 года, связанные с путчем и свержением Горбачева – дни, судьбоносные для страны и для каждого из них.

© Покровская О., 2026

© Автор, 2026

Ольга Владимировна Покровская

Вечер на Оке

Ольга Покровская

Вечер на Оке

Повесть

[«Новый мир» №5, 2026](#)

Конференция, оккупировавшая подмосковный отель с неистребимым духом советского пансионата, завершилась к двум часам, и стоянка перед воротами опустела. Евгений Николаевич Рыжов, профессор и кандидат экономических наук, вышел на балкон, сбросил официоз и уперся глазами в милый подмосковный пейзаж не как кабинетный червь, игнорирующий ландшафтные красоты, а как сибарит, свободный от дел. Перед ним, давя его победной ленью, мрела впадина Оки с обводкой из песчаных берегов и отмелей, и переливалось небо, тронутое дождевой моросью. По березам рассыпалась редкая желтая крупа. Зелень отступила в углу панорамы, оголяя лубочную картинку из домишек с палисадниками, голубыми заборами, маслянистыми георгинами, головками золотых шаров и горошинами красно-розовых яблок, от которых у Евгения Николаевича зарябило в глазах, так что он, подивившись фруктовому изобилию, сперва вспомнил, что утром одна дама прислала ему поздравление с Яблочным Спасом, и только потом сопоставил этот праздник с датой девятнадцатого августа.

Лень навалилась на него с новой силой. Вспоминая пустую московскую квартиру, плесень в ванной, ободранный паркет и допотопную электропроводку, он представил себе муки ремонта с побочными передрыгами, и его мысли по закону наименьшего сопротивления сбегали к памятной дате. Он рассудил, что давно мечтал провести этот день не в сутолоке, а с размеренным толком, и идея остаться — побездельничать в чистом номере, подышать природой, насладиться отголосками прошлого — победила прочие намерения.

Спускаясь вниз, чтобы оформить еще день, он лишь сожалел, что знакомые участники событий расплылись по заграницам, кроме одноклассников, оторванных от него трагедиями последующего времени. Он не считал этот праздник интимным — сегодня он, умаляя личный вклад, осязал себя осколком общего дела, частью упоительной стихии, каплей в людском море. Он даже захотел поискать в интернете какого-нибудь собрата по оружию, но отвращение к суете, которая скорее всего завершилась бы ничем, одержало верх.

За стойкой в холле было пусто. Размалеванные провинциальные красавицы — персонал конференции — испарились бесследно. Недоуменный Евгений Николаевич перегнулся через конторку и обнаружил молодого человека в форменной жилетке. Тот с уверенной сноровкой тряс принтерный картридж и шипел от досады. К Евгению Николаевичу он даже не обернулся.

— Продлеваю на сутки, — бросил Евгений Николаевич, но молодой человек, поглощенный тряской, отрезал:

— Нельзя, ваш номер на брони.

Удивленный Евгений Николаевич, отвыкший от такой ущербной клиентоориентированности, выкатил глаза.

— Что значит нельзя? У вас пустой отель.

Молодой человек с грохотом заправил картридж в принтер и захлопнул крышку.

— А ваш на брони, — сказал он. — Надо заранее.

— Милейший, разговаривайте прилично! — взорвался Евгений Николаевич. — Что за порядки, где ваше начальство?

После бодрящего скандала молодой человек, приведенный в чувство, скривил физиономию, но все же заклацал компьютерными клавишами, оформляя добавочный день. Евгений Николаевич, бормоча что-то про проклятый совок, презрел хама и демонстративно переместился в дальний угол к креслу. Мягкий кожаменитель вздохнул под его весом. Зазорная поза просителя, ожидающего чьей-то милости, претила ему, и Евгений Николаевич углубился в телефон с видом крайней занятости. Обнаружил сообщение, которое сгладило его гнев — троюродный брат из Саранска, обратившийся в веру, поздравлял его с Преображением Господним.

Еще это дата путча, — написал Евгений Николаевич. — Застал его от начала до конца в эпицентре.

И мы здесь делали движуху! — спохватился троюродный брат.

Евгений Николаевич скривился, вообразив карикатурную движуху в Саранске. Он прекрасно помнил, что происходило в отдаленных московских районах, и в части неотдаленных тоже.

Ни-че-го.

Он приготовился посетовать на бюрократическую грубость момента, отрыжку прошлого, задвинутого в эпоху до девятнадцатого августа девяносто первого года, когда молодой человек, мудрая что-то с кассовым аппаратом, позвал его:

— Оплачивайте.

Евгений Николаевич достал карточку, принял чек с едва пробитыми цифрами и пообещал наглецу:

— Я напишу на вас жалобу.

С надменным разворотом, не оглядываясь, он прошагал на крыльцо, расправил плечи под козырьком подъезда, вдохнул живой воздух, ловя в нем осенние нотки, скользнул глазами по лестнице и вздрогнул, путая явь с чаемым сном. Навстречу ему бодрым шагом взлетал одноклассник Андрей Беспалов собственной персоной.

Евгений Николаевич замер, сличая былой Андреев облик, застрявший в его памяти как нечто неизменное, с нынешним возрастным. Отметил набухшие под глазами мешки и пожухлое лицо, в котором проявилось что-то расплывчатое, бабье. Убойная фотогеничность первого красавчика класса по прозвищу Ален Делон ушла без следа, но Евгений Николаевич считывал печать успеха грамотно, так что зафиксировал спортивную фигуру и, когда Андрей улыбнулся, протягивая руку, дорогие зубы.

— Парился на конференции, — кокетливо доложил Евгений Николаевич с утомленным видом. — Достала говорильня, решил охолонуть денек — лето, воздух... годовщина путча... а ты?

— По делам, — уронил Андрей лукаво.

— На ловца и зверь, — продолжал Евгений Николаевич. — Как раз мечтал в такую дату встретиться и посидеть. Получилось, что моя студенческая группа сидела в стройотряде под Астраханью, зато наш класс отметился у Белого дома, как штык. Сам виноват, что отдалился... не знаю, как они. Переехал, а в Москве другой район это другой город.

Погрустневший Андрей тактично кивнул, изображая понимание сумбурных фраз, маскирующих истинную причину давнего отчуждения.

— Мы тогда поняли, — сказал он, — что тебе не до нас. Знали, что ты не на кого-то надулся, а из-за Таи.

— Не надулся, — подтвердил Евгений Николаевич, внезапно нервничая. — Просто дико. Как ни тычь, все про тебя знают, а ты знаешь, что знают, и эти формальные реверансы как серпом... трудно объяснить. Бежал сломя голову, припекло.

Андрей, возникший негаданно, упреждая мысленный зов, еще не вполне сформулированный, помнился ему подарком судьбы. Когда тот занес ногу на ступеньку, Евгений Николаевич струхнул, что одноклассник исчезнет так же внезапно, как появился, и быстро проговорил:

— Такая встреча... надо собрать наших!

— Идея, — согласился Андрей, и по его живому лицу прошла тень. — Извини, мне нужно пару часов. Да, собрать ребят, сильная дата.

Евгений Николаевич принял эту речь за обычный политес, но Андрей вдруг серьезно добавил:

— Я постараюсь.

Евгений Николаевич рассмеялся, понимая масштаб неподъемной задачи. Он знал, как трудно в московском ритме состыковать хотя бы двоих замшелых байбаков. Возраст, занятость, извечные дела, болячки. Семьи, дети, внуки. Статичность тяжелых на подъем горожан.

— Что они, ничего про них не знаю? — спросил он.

— Нормально, — проговорил Андрей с уклончивой улыбкой. — У Илюхи фирма — строит коттеджные поселки... не в Москве, но не бедствует. Резник юрист, Гаглов пластический хирург, специалист по носовым перегородкам. Говорят, делает отлично. Лысенко подался в эзотерику, два года жил в Тибете... просветленный, страшно говорить, боишься ляпнуть что-нибудь богохульное. Лева развелся, живет с мамой, накопил кучу левых дипломов — политология, история, социология, не пойми что. Клянчит деньги, но всем доволен. Хочешь, добавлю тебя в группу?

Он достал телефон и мазнул пальцем по экрану.

— Наши обрадуются, — продолжал он, снуя по клавиатуре. — Время лечит, все-таки Тая умерла давно.

В образовавшейся паузе Евгений Николаевич окаменел с разинутым ртом.

— Тая умерла? — выдавил он через силу. — Как это... каким образом?

Он смутился вырвавшихся слов. Андрей поднял на него проникновенные глаза и дернул веком.

— Ты не знал? — удивился он и добавил коротко: — Покончила с собой.

Он продолжил телефонные манипуляции, пока Евгений Николаевич, как мог, переваривал известие.

— Не выдержала Цаплина, — выдавил он. — Ясно.

— Кто сможет, приедет, — проговорил Андрей бесстрастно и, погасив экран, попытожил. — Для вас значимая дата.

— Почему для нас? — не понял Евгений Николаевич. — Ты ж был у Белого дома.

Андрей покачал головой.

— Нет, — возразил он мягко. — Не был.

Заметив, что добил потрясенного Евгения Ивановича окончательно, он подумал и сказал:

— Пойдем, у меня полчаса.

Озадаченный Евгений Иванович поплелся за ним и очнулся под красной пластиковой люстрой в полутемном баре, где вчера безобразно гудела просвещенная толпа, а сегодня бармен зевал от безделья, рокируя пустые стаканы. Видавший виды стол отдавал стиральным порошком. Андрей обхватил бокал безалкогольного пива, возникший по неувловимому мановению пальца, и, играя глазами, понаблюдал, как Евгений Николаевич опрокидывает водочную стопку.

Евгений Николаевич понимал, что поступает опрометчиво и несообразно времени суток, но душа требовала некоего транса, дабы переварить вести, которые он сейчас услышал.

Музыка при их появлении притихла до комфортного релакса, и Евгений Николаевич принял эту заботу о гостях как компенсацию за хамство на регистрации.

— Я кодовый и скучный, — усмехнулся Андрей, повествуя о текущем дне. — Скромный бизнес, работа, семья — жена и ее сын от первого брака. Они сейчас на Гоа. То там, то в Таиланде, пока я кручусь в суровом климате.

— Я в разводе, — поделился Евгений Николаевич. — Осточертело, вырвался на свободу. Дети выросли. От двоюродной бабки квартира в центре, я за ней ухаживал по договору... здание тридцать четвертого года. Гнилые трубы, нужен ремонт, есть занятие на старости лет. — Он вернулся к нейтральной теме, которую мог обсуждать без надрыва: — Везение столкнуться в такой день. Я думал, ты был с нами... в смысле, у Дома Правительства.

Андрей покачал головой.

— Нет.

Евгению Николаевичу показалось, что этим категоричным «нет» он закрыл вопрос, но Андрей, подумав, продолжил:

— Я был в общаге, пили всю ночь. Утром продрал глаза — кто эти люди? Безжизненные тела дрыхнут вповалку. Вышел в коридор. Мертвая тишина, все вымерло. Спустился вниз, там старый хрен на вахте. Говорит: Горбачева сняли. Я не поверил — подумал, он по злобе, мы вечером горланили на всю округу. Заглянул к нему в подсобку — «Лебединое озеро». Вылез на улицу — спокойствие, бочка с квасом, бабули ходят в тапочках. Старый заводской район, семейная идиллия. Еле добрался до метро, по дороге заблудился раз пять. Думал, на станции повяжут. Не знаю, почему подумал. Пришло в голову — раз переворот, значит повяжут. В метро тихо, народу мало. Ментов не видел вообще. Приехал домой, завалился отсыпаться. Самое интересное проспал, а потом у отца вдарил сердечный приступ — он всерьез испугался, что за ним придут, хотя он нигде не высывался. Все, что за ним числилось — говорильня на работе... вроде народного фронта или как это называлось.

Причудливый барный свет отражался в его слезящихся глазах. Евгений Николаевич кивал головой, гадая, кто беспардонно врет, одноклассник или его собственная память, которой он до времени безоговорочно доверял.

— Тебе, наверное, позвонила Любочка? — продолжал Андрей. — Как всем... Она зависала в гостях на улице Горького. Утром выходит на балкон, внизу танки. Рванула к телефону и давай названивать: свобода в опасности, все на баррикады.

— Нет, мне звонила Тая, — сказал Евгений Николаевич после паузы. — Она с родителями отдыхала в Сухуми, в санатории Минобороны, ее отец доставал крутые путевки. Они боялись, что Грузия закроет границы, но тогда обошлось — там рвануло с задержкой, через год. И я в красках представил, как лечу до Адлера, как вброд перехожу Псоу... — Он нахмурился, переводя разговор. — Самое интересное, я не видел Любочку на баррикадах, хоть она трепалась убедительно. Видно, кто-то рассказал детали.

— Там была куча народа, — возразил Андрей.

— Вечером толпа рассеивалась, — покачал головой Евгений Николаевич. — Я видел многих. — Он значительно уперся глазами в Андреево лицо, но оно осталось прежним: болезненным, живым, но непроницаемым. — Заметил бы и Любочку с ее гиперактивностью. Зеваки вечером разъезжались по домам, оставались отбитые на голову вроде нас. Но Любочка числилась самой отмороженной.

— Злые языки говорят, — Андрей скривил уголок дряблого рта, — что Любочка, призвав всех на баррикады, кинулась на улицу Воровского, по посольствам, просить убежища. Но ничего, похоже, не добилась.

— Какие там посольства, африканских стран? — Евгений Николаевич, пожав плечами, настоял: — После Таи позвонила твоя мама. Плакала и спрашивала, где ты.

Одноклассник оставался возмутительно спокойным.

— Мы разминулись, — согласился он. — Она ушла на работу, потом приехал я. Но их собрал начальник и сказал: сваливайте от греха.

Пока Евгений Николаевич раскрывал рот, чтобы изложить следующий вопрос, Андрей посмотрел на часы и поднялся, а Евгений Николаевич выбрался на улицу и, восстанавливая трезвую голову, побрел, куда понесли ноги, то есть вниз к Оке.

Огибая кочки, он сперва недоумевал, отчего его оживший телефон непрестанно булькает в кармане, но потом вспомнил, что Андрей подписал его на группу одноклассников, и полез выключать сигнал. Попутно он полюбопытствовал, что его бывшие приятели так горячо обсуждают, и с удивлением выяснил, что они восприняли Андреево приглашение не как абстрактное пожелание, а как фактический вызов.

Заинтригованный Евгений Николаевич пролистал ленту сообщений, не глядя по сторонам. Внимая активным переговорам, он прошел мимо бурых изб с узорными наличниками, мимо рябиновых кустов, мимо огородов с плетистыми кабачками, спустился по глинистой тропке в августовскую плотную зелень, переходящую в синеву — туда, где сырой воздух пузырился предчувствием близкой Оки, и все это время его одноклассники переговаривались, обсуждая внезапный план.

Нашли время, — возмущался Стас Резник, ныне юрист. — Самая паскудная пора, ни минуты. У меня дача, вечный гимор. Я забодался косить эти двадцать четыре сотки. Клевер и одуванчики, жесть. Предлагаю новогодние каникулы.

Новый Год мимо, я с семьей на море. — Это Илья Радкевич, владелец строительной фирмы. — Сейчас цейтнот, бодяга с поставщиками.

Хочу! Давно пора. — Роман Гаглов, пластический хирург. — Но я обнаружил, что у меня больше тысячи неотвеченных смсок от пациентов. Люди хотят здоровые носы, так что я пас. Выпью рюмку за то время.

Мне завтра маму везти в поликлинику. — Лев Мамонов, человек неопределенных занятий. — Надо подготовиться.

Я не могу. — Просто и категорично, просветленный эзотерик Борис Лысенко.

Ты-то чем занят, сектант хренов?..

Евгений Николаевич косился на экран и спиной ощущал неудобство, словно в его лопатки впивался невидимый прожектор. Между бульканьем он различил вкрадчивые шаги и обернулся. За ним неуклонно, держа дистанцию, двигался молодой человек, с которым он повздорил на регистрации.

Евгений Николаевич нахмурился, предчувствуя недоброе.

— Что надо? — спросил он резко.

Он опасался оскорбительного выпада, безобразной склоки, какого-то отвратительного сведения счетов, но молодой человек скорчил жалобную физиономию и угодливо изогнулся всем телом.

— Я был неправ, — сказал он. — Не жалуйтесь, прошу вас.

Евгений Николаевич приободрился, уверовав, что страна за годы изменилась к лучшему. По крайней мере, обслуживающий персонал проникся какими-то начальными правилами.

— Ладно, — согласился он и величественно отпустил преследователя.

Молодой человек растворился среди лопухов и крапивы, а Евгений Николаевич выждал пять минут — на случай, если к нему применили обманный маневр, усыпляя внимание, — потом отправился дальше и спустился в гнилое болото, предварявшее берег.

Река открылась сразу, и Евгений Николаевич вышел на песок, обжатый по краю ивами — склоненными, плакучими, пустившими в воду узловатые корни. Снова взялся за телефон и обнаружил личное сообщение от Льва.

Жека, привет, — писал Лев. — Очень рад, пропащая душа. Я подъеду с удовольствием, если задонатить старого друга. Ехать электричкой полдня, а такси я не потяну.

Не вопрос, — ответил Евгений Николаевич, вспомнивший рассказ Андрея. — Сколько?

Он перевел деньги, ни на что особо не надеясь, и Лев оборвал связь. Озадачиваясь событийным поворотом, рванувшим с места в карьер, Евгений Николаевич оглядел лиловую тинистую гладь Оки, на которой расплывались силуэты облаков и торчал кривой буюк.

Отчего-то он вспомнил сперва Любочку, словно его память составляли слои, где самый доступный, внешний, был и самым неважным, как конфетный фантик. Десять школьных лет Любочка была лучшей Таиной подругой. Ее прозвище сложилось не из ласкательного имени, а из стихотворной строчки: «Кто не знает Любочку? Любу знают все». Любочку знали все как активистку и неумное шило в заднице. Она была дочерью полоумного инженера, изобретавшего вечные двигатели. Евгений Николаевич видел его несколько раз и сомневался, что этот всколоченный чудака когда-либо интересовался собственными детьми. Он помнил Любочкин облик по младшим классам — крысиные косички, очки в уродливой оправе и броуновское движение до ряби в глазах. На фоне Таи, которую ее мать, художница по костюмам, одевала как картинку, Любочка выглядела гротескно. И казалось странным, что десятиклассницей, превратившейся в томную красавицу, Евгений Николаевич Любочку почти не помнил. Возможно потому, что она, войдя в возраст, не привечала сверстников, а предпочитала взрослую компанию. Она зубрила языки, мечтала уехать за границу, в перестройку приткнулась к совместной конторе, охмурила легкомысленного шатуна, соблазненного советской экзотикой, вышла за него замуж и уехала в Париж.

Отринув Любочкину тень без эмоций, Евгений Николаевич сбросил внешний слой и погрузился в воспоминания потаенные, проросшие в утробу и будоражащие боль при попытке вытянуть их обратно в сознание.

Тая.

У нее была примечательная семья. Ее отец директорствовал над мелкой трикотажной фабрикой. Он со скандалом бросил первую жену, оборвав все связи, когда пересекся с Таиной матерью то ли на выставке, то ли на мероприятии по обмену опытом. Еще избегая касаться самой Таи, Евгений Николаевич закружил мыслями на подходе. Таину мать он помнил хорошо — высокая, неестественно прямая женщина с огромными черными глазами, наводящими оторопь. Она держалась надменно. Соседки косились ей вслед, когда она ступала странной походкой, чуть выворачивая пятки. Говорили, что она плохо ведет хозяйство, однако Таю она облизывала в головы до ног. Таино черное каре, открывавшее нежную шею, всегда было идеально ровным, как на модели. Аккуратный костюм, отороченный кантом, всегда так удачно имитировал форменное платье, что не вызывал учительских нареканий. Лаковые туфельки, игравшие роль школьной «сменки», обычно незатейливой, всегда были натерты до зеркального блеска.

Сердечное беспокойство побудило Евгения Николаевича к мускульным действиям, дабы купировать внутреннюю тревогу. Он сбросил мокасины, засучил брюки и, ступая по холодному песку, вошел в обманно ласковую воду. Щиколотки обняло стремительное Окское течение. Что-то гладкое, упругое, мазнуло по его ноге, и Евгений Николаевич, удивляясь, как близко к берегу подходит рыба, отвлекся. Студеный поток вернул его в реальность. Ему помнилось, что недавняя встреча с Андреем, как и предстоящая, со Львом, сулят ему непредсказуемые конфузы, и он силком перевел мысли на позитив, восстанавливая картины девятнадцатого августа многолетней давности и проникаясь отголосками восторга. Его ноги замерзли, но он все стоял, провожая моторки, следя за облачными метаморфозами и впитывая бесчисленные оттенки зелени на другом берегу. Потом ему почудился звук, ломавший беспечный природный образ. Он поискал по сторонам, но ничего не обнаружил. Звук повторился. Евгений Николаевич обернулся и вздрогнул — в сумерках чащобы, на бревне, отполированном любителями пикников, сидел мрачный человек, хрустя яблоком, и беззастенчиво наблюдал за Евгением Николаевичем.

Заметив, что обнаружен, человек подал голос.

— Гражданин, давно за вами смотрю, — констатировал он мерзким тоном. — Вышли бы из воды, не надо.

— Что не надо? — вспыхнул Евгений Николаевич, возмущенный такой бесцеремонностью.

Человек еще хрустнул яблоком и нагло пояснил.

— То не надо, что много тонут. Несчастные случаи. А кто-то топится.

— Я не собираюсь топиться, — отрезал Евгений Николаевич.

— В Оке быстрое течение, — продолжал человек. — Как во всех реках бассейна. Недолго оступиться.

Пока Евгений Николаевич медлил, не зная, как на это реагировать, человек поднялся.

— Лучше возьмите яблоко, — сказал он. — Знаете, что Яблочный Спас?

Из его кармана появилось полосатое яблоко, которое Евгений Иванович, шагнув на песок, автоматически принял. Коричный аромат тронул его ноздри, а человек тем временем схватился за телефон и гаркнул в трубку.

— Сейчас буду! Вы пока его допросите. Ну и что? А вы допросите еще.

Подхватив мокасины и бормоча что-то про полицейское государство, Евгений Николаевич скрылся подальше от греха.

Он долго поднимался в гору, нюхая нечаянный подарок, держа в глазах розовое здание отеля и надетые на частокол штатетника бутылки, в которых играло разноцветное солнце. Отель казался пустым. Редкие машины с подмосковными номерами виднелись на стоянке, и в поле зрения маячил единственный человек — толстяк, кутивший на лавочке у крыльца. Евгений Николаевич скользнул по нему взглядом, отметил что-то знакомое и лишь потом осознал, что перед ним Лев Мамонов — постаревший, оплывший, но в целом мало измененный. Детский, словно законсервированный взгляд светился из-за старомодных очков. Удивляясь скорости, с которой одноклассник преодолел добрую сотню километров, Евгений Николаевич изучил его, составив впечатление: дешевая рубашка, потрепанные ботинки, брюки в пятнах, румяные щеки пожилого идеалиста.

Завидев Евгения Николаевича, Лев вскочил, расцвел сияющей улыбкой и полез обниматься.

— Мы-то думали, где ты! — лопотал он восторженно. — Все же возраст, всякое бывает. Как хорошо вы придумали, такая дата! Годы летят... ты обедать?

По елейной интонации Евгений Николаевич понял, что от него ждут приглашения к столу. Впрочем, он к этому приготовился. Лев подхватил бесформенный портфель и бодро проследовал за Евгением Николаевичем в отельный ресторан.

— Разведен, живу с мамой, — объяснил он, когда они вычитывали лаконичное меню. — Так проще. Замкнут в своем мирке.

Присвистывая легкой одышкой, он изучал стены с ситцевым узором и шелковистые салфетки, сложенные гармошкой.

— Кто бы представлял, во что это выродится, — сказал он. — Двести лет назад у нас была великая культура, а сейчас провинция, бантустан. Певцы назначенные, писатели назначенные, кино продюсерское, то есть никакого, телевидение во прахе. Помнишь, какое было раньше телевидение? Мы на него молились. А почему? Жреческую касту уничтожили, вырубали под корень. Кто создаст культуру? Вайшы не могут генерить смыслы, не-мо-гут... а местные кшатрии специфические, с двумя извилинами. В Госдуме клоуны со спортсменами. Они еще говорят: империя. Российской империей не управляли коверные. И хотят, чтобы к ним относились серьезно. Разве мы тогда думали?

Он вытер пот с блестящего лба.

— Не сразу дошло, что годовщина, — продолжил он. — Теперь не отмечают, позабыто. А я помню, как сейчас. Девятнадцатого я с утра заспался, накануне ребята подкинули кассет, и я до трех ночи смотрел видак. Утром звонок от Любочки, я проклял все на свете, а она надрывается: на улицах танки! У меня в голове стреляет и бухает, скачут зомби с транслюкаторами, я думаю: какие танки? Говорю: ты чего, мать, накидалась? Иди проспись. Она визжит как резанная: трусы, подлецы, реакционеры! И шмяк трубку. Чтоб тебя, думаю, дура. Включаю телевизор — «Лебединое озеро». Я решил, Горбачев умер... помнишь, мы этого «Лебединого озера» насмотрелись как по абонементу. Думаю, убили президента-то нашего. Включаю радио и офигеваю. Страшно, не передать. И обидно: делают, суки, что хотят. Я первым делом подумал, что надо писать листовки. Взял у отца полпачки бумаги, сунул в куртку, ползу на выход. Тут бабушка, как первая комсомолка, заявляет: «Я с тобой!» Кое-как стянул ключи, запер ее и на улицу. Там никого, и тоже страшно. Поехал в центр, вылез на площади Свердлова, Манеж перекрыт. Тут у меня отлегло. Танки, бронетранспортеры, ходят люди, пристают к танкистам, те вообще в непонятках, а я брожу как пьяный и на душе легко. Думаю, убьют, так всех. Погибну как герой! Какой-то псих орал, его не оттаскивали. Тетки махали плакатами... Потом я с колонной прошел по Калининскому к Пресне... была какая-то эйфория. Душевный подъем, как наркотик. Я же танка в глаза не видел, а тут настоящий. Парк аттракционов. Знаешь, что забавно? Я вечером вернулся отпереть бабушку. Не было комендантского часа, но менты ходили. И, по-моему, на «Краснопресненской» не пускали в метро. Топаю по набережной, там патруль, и ко мне. Знаешь, что я сделал? В панике чистую бумагу вынул и засунул в урну! Думаю, заметут — а она чистая, до листовок дело не дошло. Менты сказали: иди домой, дурак. Дома надрывается телефон, Андрюхина мать в слезах: где сын? А я не знал. Там за три дня поперебывала уйма народу.

Он набросился на огурцово-помидорный салат, который смурной официант в черной бабочке поставил перед ним на стол.

— Странно, — ответил Евгений Николаевич, задумавшись. — Андрюха сказал, что не был у Белого дома. Чего он фуфел гонит.

Лев сокрушенно покивал.

— Многие стесняются, — проговорил он. — Стало немодно. А я за всю жизнь не помню такого восторга, такого абсолютного счастья. Наверное, самое светлое, самое сильное, что было вообще... и Регина. — Он вздохнул и подозрительно заблестел глазами. — Я точно знаю, он там был.

— Конечно, был, — согласился Евгений Николаевич. — Он говорит, что его отец получил инфаркт, потому что якобы испугался ГКЧП, а я знаю причину — он на эти три дня пропал с концами, его мать чуть не сошла с ума. Да я его видел своими глазами.

Перед ним ясно, будто недавняя, предстала картина: ночная площадь, машина Белого дома, мокрый асфальт, люди в дождевиках. Костер из досок, вокруг люди, парень с гитарой оседлал ящик и перебирает струны.

В одном из сидельцев он тогда узнал Андрея. Узнал безошибочно, не по чертам лица, а по фирменной фотогеничности, бросавшейся в глаза за километр. По особой пластике первого красавчика класса. Потом из темноты вынырнул человек в костюме, и юный Женя оторопел, заметив у него на плече короткий автомат. Человек наклонился к Андрею и что-то ему сказал. Андрей покорно встал, и оба направились к подъезду.

— Меня тогда удивило, — проговорил Евгений Николаевич, продолжая мысль. — Кажется, все произошло спонтанно. Почти не было провокаторов, по крайней мере в начале. В танки не кидали камни. С солдатами обнимались, снайперов не завезли. А первое время просто гужевалась толпа. Которой, как тебе, стало страшно дома. Советские ж люди. Милое дело — согнуть в дугу начальство... борщ с сосисками? Что, с мясом нет?

— Может, водочки? — лукаво проговорил Лев, косясь на официанта.

Официант, косолапя, посеменил к бару.

— Энтузиазм как никогда, — продолжил Евгений Николаевич задумчиво. — Но ночью была специфическая... жертвенная атмосфера. Все время слухи, трансляция держала в тонусе, поднимали хай... я наслушался такого апокалипсиса, куда там Иоанну Богослову.

— Ночевали у Ромкиной тетки, — встрепенулся Лев. — В коммуналке, на Садовом, помнишь?

Евгений Николаевич покачал головой.

— Это вы, я был на площади, — проговорил он. — Ждали штурма. И мне казалось, я в триллере или сплю. Хорошо, догадался захватить приемник. Ходил с приемником у уха, ловил местную станцию, и ко мне приставали, чтобы послушать. Я боялся, что сядут батарейки. Там талдычили, что творится в Москве, как реагирует мировая общественность, а я-то выслушивал про периферию, в частности, про Абхазию, потому что там была Тая.

Лев осекся и помутнел лицом. Его мягкие щеки подернулись розовым.

— Понимаю, — проговорил он, пряча глаза. — Мы тебя потому не искали и не беспокоили. У вас же, помню, еще в десятом классе была замута... на даче.

Евгений Николаевич неопределенно кивнул. Он помнил тот вечер на даче и умолчал, что замуты не было, ибо Тая сообщила, что не хочет начинать взрослую жизнь среди пьяных рож и коматозных уродов.

— Почему она покончила с собой? — спросил он после мимолетной паузы.

Он задумывал спросить, правда ли это вообще, но стушевался. Лев с хлопаньем вытянул с ложки борщ, потом громко вздохнул.

— Ей грозила статья, — проговорил он, морщась. — Ее бы посадили за двойное убийство. Она же застрелила бандитов, которые взорвали ее родителей. Цаплин специально подгадал, приготовил, типа сюрприз любимой женщине. Говорят, их привезли за город, связали, а Цаплин приехал с Таем на готовое, вручил ей пистолет. И по пуле в лобешник на брата. М-да... подарочек. Еще та бригада имела зуб. А знаешь, что Цаплин еще в школе к ней подкатывал? Заступал дверь в столовую. Тебе не говорили, а то мало ли. Она сама отбивалась, смотрела ему в глаза, а он шипел «сильная ты баба» и отползал. Он же был старше на два года — поздно пошел в школу и второгодник — так что девочек оценивал по-взрослому. Когда он после восьмого ушел в ПТУ, все перекрестились.

Пока официант ставил перед ними горшочки с жарким, Евгений Николаевич разводил руками.

— Я это знаю, — сказал он. — Но не повод. Можно было отмазаться, купить свидетелей. Какие доказательства с цаплиновским баблом? Та бригада! Кто бы мстил за рядовую пехоту? Умирать — их работа... ты был на похоронах?

Лев покачал головой.

— А кто из наших? — настаивал Евгений Николаевич. — Я бы пришел, но я не знал, не знал. Хоть бы сказали родителям, а они мне.

Лев заерзал на плюшевом стуле.

— Никто не был, — проговорил он, краснея. — Понимаешь... бандитская тема. Не хотелось рисоваться. Там была такая кодла, что мама дорогая. Всех пасли менты, открыто снимали процесс.

— Бандитская? — возмутился Евгений Николаевич, и по его спине пробежал холодок. — Хочешь сказать, менты ее считали уголовницей?

Лев посмотрел на него жалобно и опять зарделся.

— Были двойные похороны, с закрытыми гробами, — проговорил он тихо. — Цаплина убили, она покончила с собой. Сразу. Что бы она делала без его крыши? Изверилась... устала. — Он снова заерзал. — Знаешь, кто ходил? Миша Городецкий, помнишь Мишу? Их с матерью бросил отец... так нетипично для полковника Советской армии. Миша охранял гаражи

на кругу. А при Цаплине подвизался автомехаником, чинил его тачки. Цаплин бил их раз в неделю... я с Мишей как-то ехал в электричке, и он твердил: темное дело, скверные похороны!

Евгений Николаевич содрогнулся. На него, словно горелым мясом, пахнуло страшным ароматом девяностых.

— Сейчас он где? — спросил он. — Гаражи снесли.

— Так умер, — ответил Лев извиняющимся тоном. — Спился.

Евгений Николаевич заметил, что он мнетя, поглядывая на дверь, словно ждет оттуда помощи. Помощь скоро явилась — в дверь вплыл Андрей и с деловым сосредоточием, собрав глаза в кучку, зашагал к одноклассникам.

При его виде Лев оживился. За два шага до стола Андрей картинно проснулся и растянул губы в приветливой улыбке.

— Я договорился, — сказал он, указывая глазами на колонну. — Там кабинет, начнем в семь, нет возражений?

— Наверное, дорого, как чугунный мост, — подал голос Евгений Николаевич, но Андрей плавно махнул рукой.

— А я? — спросил Лев жалобно.

Андрей кивнул.

— Столик у кофейных автоматов в холле, — Мимолетное ехидство пробежало по его лицу. — Только учти, нет кворума. Тебе бы приехать пораньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.